

© 1990 г.

БОРОДИНА М. А., КУЗЬМИЧ Н. Г., НАЙДИЧ Л. Э.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ В. М. ЖИРМУНСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ, ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ И АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В. М. Жирмунский — филолог-энциклопедист, основоположник многих направлений в советском литературоведении и языкознании. В 1986 г. исполнилось 30 лет со дня выхода в свет его капитального труда, книги «Немецкая диалектология», нашедшей широкое признание в нашей стране и за рубежом.

В середине 20-х годов В. М. Жирмунский, ранее занимавшийся в основном проблемами литературоведения, заинтересовался диалектами немецких поселенцев на территории СССР. Диалектная тематика привлекала ученого сочетанием точности лингвистических фактов с широкой историко-этнографической и социально-лингвистической перспективой. В 20—30-х годах под руководством В. М. Жирмунского проводятся обширные полевые исследования, в задачу которых входит и собрание диалектного материала, и изучение истории края, живых реликтов прежних общественных формаций, отраженных в диалекте и фольклоре» [1]. Во время научных командировок в Бонн и Марбург (1925—1927 гг.) В. М. Жирмунский, по собственному высказыванию, «познакомился с новыми теориями немецкой диалектографии..., когда занялся обработкой своих материалов по диалектам так называемых „немецких колоний“ в Марбургском диалектологическом институте с помощью в то время еще рукописного „Атласа немецкого языка“ и лично познакомился с Вредэ и его тогда молодым учеником проф. Теодором Фрингсом» [2]. В этот период сформировались основные взгляды В. М. Жирмунского на диалектологию [3]. Ученого интересовали закономерности развития островных диалектов, проблемы диалектных смешений и соотношения диалекта с литературным языком. Диалекты немецких поселенцев, изолированные среди иноязычного окружения и постоянно подвергающиеся взаимовлияниям, часто приводящим к образованию смешанных говоров, оказались важными в методическом отношении, явились своеобразной «экспериментальной лабораторией». Результаты полевых исследований В. М. Жирмунского отражены в его многочисленных статьях и монографиях [4—9]¹.

¹ По инициативе В. М. Жирмунского романистами было предпринято аналогичное обследование немногочисленных романских поселений, которые располагались на юге нашей страны. В приложении к книге В. Ф. Шишмарева «Романские поселения на юге России», опубликованной под редакцией В. М. Жирмунского [10], даны три статьи, доводящие до наших дней наблюдения над романскими поселениями на территории СССР, — Р. Я. Удлера о молдавских островных говорах, М. А. Бородиной о бывшей швейцарской колонии Шабо и М. П. Корси о судьбе потомков итальянских колонистов (бишельбецях).

В 50—60-е годы В. М. Жирмунский обратился к обобщению и осмыслению материала отдельных диалектов немецкого языка и к их сравнительному анализу. Диалектологические труды В. М. Жирмунского этого периода идут в русле сравнительно-исторических исследований, раскрывают важнейшие тенденции развития германских языков.

По высказыванию известного американского лингвиста У. Дж. Моултона, существуют три большие «лингвистические лаборатории»: 1) диахронические исследования, т. е. изучение истории языков по памятникам; 2) синхронические исследования — изучение живых языков, их сравнение, разработка универсалий; 3) диалектологические исследования, которые как бы объединяют в себе изучение языка в трех измерениях: во времени, в пространстве и на социальном уровне [11, с. 460]. Диалектология позволяет получить большой корпус данных, сведения, важные для построения универсалий, дает возможность понять процессы, происходившие в истории языка. В. М. Жирмунский был вхож во все эти лингвистические лаборатории. В книге «Немецкая диалектология» на материале диалектов освещаются основные явления истории немецкого языка; эта книга — одновременно и лингвогеография немецкоязычного ареала, и история немецкого языка, обращенная в пространство.

К моменту создания «Немецкой диалектологии» существовало множество статей и монографий по отдельным немецким диалектам и диалектным областям, а также разрозненные карты немецкого лингвистического атласа. Были и пособия по немецкой диалектологии, но они не содержали обобщения накопленного материала. Лишь в грамматике Л. Зюттерлина [12] были прослежены отражения отдельных явлений истории немецкого языка в современных диалектах. Однако эта книга, собственно говоря, не представляет собою диалектологию, не затрагивает вопросов теории диалекта и лингвогеографии; кроме того, ее материал, собранный еще до первой мировой войны, к периоду создания книги В. М. Жирмунского уже устарел. Поэтому «Немецкая диалектология» — это уникальный труд, в котором с удивительной полнотой был обобщен имевшийся к тому времени материал и содержались важные теоретические положения — рассматривались соотношения общенародного языка и местных диалектов, по-новому ставился вопрос членения немецкого диалектного ареала (в связи с работой Ф. Энгельса «Франкский диалект»), освещалась проблема функционирования и развития диалектов. Зарубежные рецензенты отмечали с удивлением, что этот капитальный труд написан не в Германии и не на немецком языке [13]. В 1962 г. книга «Немецкая диалектология» была переведена на немецкий язык В. Флейшером и опубликована в ГДР [14]. С тех пор она стала настольной книгой для германистов всех стран.

Многие идеи В. М. Жирмунского нашли широкий отклик, а существенные направления его деятельности в области изучения диалектного материала были продолжены его учениками и последователями. Так, еще в ранних работах по диалектологии при изучении немецких диалектов на территории СССР В. М. Жирмунский выделил первичные и вторичные (примарные и секундарные) признаки диалектов, различие между которыми проявляется при диалектных смещениях. Разграничение этих признаков стало общепринятым и используется при исследовании языковых и диалектных интерференций, процессов образования полудиалекта и разговорного языка, а также других промежуточных языковых слоев (ср. работы Г. В. Степанова, А. И. Домашнева, А. Д. Швейцера, М. А. Бородиной). Теория примарных и секундарных

признаков широко используется и зарубежными лингвистами, особенно в работах по германистике. На II Международном конгрессе диалектологов (Марбург, 1965 г.) П. Трост сделал в своем докладе попытку уточнить эту теорию с точки зрения структурной лингвистики. Он выделил несколько типов взаимодействия диалектных фонологических систем и структурные условия, более или менее благоприятные для сохранения/отпадения каких-либо диалектных особенностей [15]. Тем не менее П. Тросту не удалось выявить общих закономерностей, распространяющихся на все имеющиеся случаи; были намечены лишь некоторые тенденции. Обсуждение проблемы примарных и секундарных признаков было продолжено на Международном симпозиуме «К теории диалекта» (Марбург, 1977 г.), где И. Рейфенштейн предложил генеративный подход к этому вопросу [16, 17]. Доклад Рейфенштейна вызвал полемику, в которой участвовали такие крупные диалектологи, как П. Ивич, П.-П. Визингер и др. Подводя итоги этой дискуссии, участники симпозиума пришли к выводу, что правила, предложенные И. Рейфенштейном, не носят универсального характера [18]. На VIII Рабочем заседании алеманских диалектологов в Тризенберге (Лихтенштейн) в 1984 г. в докладе К. Якоба было предложено, наряду с первичными и вторичными признаками диалектов, введенными в научный оборот В. М. Жирмунским, выделять еще и т р е т ь и ч н ы е признаки, которые проявляются во взаимодействии с литературным языком [19]. Таким образом, концепция В. М. Жирмунского до сих пор служит предметом научного интереса. Накоплен новый материал, иллюстрирующий функционирование примарных и секундарных признаков. Тем не менее многое остается дискуссионным, не всегда удается объяснить, почему в том или ином конкретном примере один признак диалекта отпадает, а другой сохраняется. Изучение механизма диалектных смещений было начато В. М. Жирмунским и продолжается в наши дни.

Социолингвистические идеи В. М. Жирмунского шли в русле важнейших направлений развития лингвистической науки. Если большинство немецких диалектологов описывало «чистый диалект», то В. М. Жирмунский ставил проблемы существования промежуточных языковых пластов — городских полудиалектов, разговорного языка [20]. Как известно, изучение социальных функций языка, его стратификации и функционально-стилистической дифференциации стало одной из важнейших областей современного языкознания. В. М. Жирмунский был одним из основоположников советской социолингвистики.

В. М. Жирмунский заложил и основы изучения немецких диалектов в СССР (работы в этом направлении продолжаются в наши дни), а также преподавания диалектологии в нашей стране.

34 года, которые прошли после выхода в свет книги «Немецкая диалектология», были годами бурного развития лингвистической науки. Новые идеи проникают и в диалектологию. Важную роль при этом сыграли работы американских ученых — У. Вайнрайха, поставившего вопрос о возможностях и теоретических основах применения структурного метода к диалектологии (его известная статья так и называется «Возможна ли структурная диалектология?» [21]), и У. Дж. Моултона, продемонстрировавшего в многочисленных статьях использование этого метода при изучении диалектов (в основном на примере говоров немецкоязычной Швейцарии [22—25]). С 60-х годов появляются структурные исследования немецких диалектов.

В последнее время и другие лингвистические методы и идеи находят

свое отражение в трудах по диалектологии. Можно выделить четыре типа современных диалектологических исследований: традиционные, структурные, генеративные, коммуникативные. Традиционная диалектология тесно связана с историей языка — изучается отражение отдельных «звуков» или грамматических форм более древнего состояния в современных диалектах. Основным недостатком этого метода считается атомарность. При структурном подходе делается попытка изучать явления в их взаимосвязи, исследовать системные отношения и их развитие [26].

Применение структурной диалектологии к фонетическому материалу можно проиллюстрировать следующим примером. В большинстве немецких диалектов долгое *a* подверглось сужению и лабиализации (*Verdumpfung*) [27, с. 200—201]. Это явление хорошо изучено в швейцарских диалектах; в них, например, литературному немецкому *guten Abend* соответствует [guətən ābig], [guətən ōbig] или [guətən õbig] — в зависимости от говора, т. е. др.-в.-нем. *ā* могло дать *ā* или *ō* с разной степенью открытости. В «Лингвистическом атласе немецкоязычной Швейцарии» есть карты, показывающие различные фонетические отражения др.-в.-нем. *ā* [28]. Но с точки зрения структурной диалектологии важны не столько эти фонетические различия (например, степень открытости *ō*), сколько место соответствующих фонем в системе, их противопоставленность другим фонемам. Так, рефлекс *ā* в слове *Naar* может совпасть с рефлексом *ō* в слове *Ohr*, а может не совпасть с ним и образовать новую фонему. С другой стороны, он может совпасть с /ā/ в слове /gār/ (рефлекс краткого *a*, подвергшегося удлинению). Нужно рассмотреть и рефлекс краткого *o*, которое также в определенной позиции может удлиниться. Таким образом, в зависимости от диалекта мы имеем: /gār/, но /hōr, ōr, fərlōrə/ (с разной степенью открытости *ō* в разных говорах), либо /gār/, /hōr/, /ōr, fərlōrə/ с образованием новой фонемы — /ɔ/, или /gār/, /hōr, fərlōrə/, /ōr/ с другим распределением фонем /ā/, /ō/, /ɔ/ по отдельным словам [41, с. 455—456]. Выявленные диалектные различия можно нанести на карту (см., например, структурные карты в книге Я. Госсенса [29]).

Приведенный пример показывает, что структурная диалектология не исключает, а, наоборот, предусматривает обращение к историческим соответствиям. При структурном описании какого-либо одного языка или диалекта можно было бы отвлечься от диахронии. Но исследование, где даются лишь системы в синхронии, диалектолога не удовлетворяет, т. к. неясным остается соотношение данного диалекта с другим. При одинаковых системах распределение фонем по словам в различных диалектах может быть разным, что важно для диалектолога. Эталоном для сравнения отдельных диалектов должна быть некая исходная система — для немецкого языка средневерхненемецкая или древневерхненемецкая, использование которой гораздо более удобно и плодотворно, чем составление какой-либо искусственной эталонной системы. Таким образом, структурная диалектология не отменяет, а дополняет сравнительно-исторические исследования.

Коммуникативная диалектология — одно из молодых направлений диалектологических исследований — ставит своей целью изучение варьирования языка в зависимости от ситуации (использование диалекта, полудиалекта и т. п.). Исследования такого рода в принципе должны охватывать разные стороны описания диалектов (включая и системные отношения на разных уровнях). Из сказанного следует, что разные методы в диалектологии нельзя рассматривать как взаимоисключающие. Лишь генеративные исследования стоят особняком; представляется, что

этот метод мало перспективен и применим только для описания отдельных явлений в диалектах [30].

Кроме развития теории, диалектология за последние 30 лет накопила и обширный фактический материал. В немецкоязычном ареале описаны диалекты, ранее остававшиеся не известными лингвистам. Исследователи все более стремятся к описанию социального функционирования диалекта. Так, например, было изучено соотношение диалекта и разных пластов обиходно-разговорного языка в некоторых районах ГДР [31]. При исследовании истории диалектов привлекаются ранее не изученные данные (документы, топонимика). Диалекты изучаются и с практическими целями — помочь учителю в преподавании, так, чтобы диалект не стал препятствием для освоения учениками учебных дисциплин; создана серия монографий, содержащих контрастивное описание диалекта и литературного немецкого языка [32].

За последние годы появился также целый ряд обобщающих пособий по немецкой диалектологии; в нашей стране недавно были изданы два учебника — Н. И. Филичевой [33] и Т. В. Строевой [34]. Оба эти пособия базируются на спецкурсах, читавшихся их авторами, и в основном предназначены для студентов, хотя могут представлять интерес и для ученых-германистов, занимающихся вопросами истории языка, диалектологии, функционально-стилистической дифференциации языка и т. п. В книге Н. И. Филичевой большое внимание уделяется вопросам социолингвистики, лингвистической ситуации в ГДР и ФРГ, использованию диалектизмов немецкими писателями, а фонетика и грамматика диалектов описываются, по словам автора, на основе книги В. М. Жирмунского [33, с. 6]. В книге Т. В. Строевой, помимо описания конкретного материала диалектов, рассматриваются важные теоретические проблемы — например, соотношение диалекта и полудиалекта, механизмы диалектных смещений. Таким образом, идеи В. М. Жирмунского нашли и здесь дальнейшее развитие. Из пособий такого рода, опубликованных в ФРГ, можно назвать книги Я. Госсенса [35] и Х. Нибаума [36], интересные тем, что в них анализируются теоретические проблемы диалектологии с учетом современных концепций; однако практический диалектный материал в них почти не приводится (у Нибаума дан лишь краткий обзор немецких диалектов). Кроме того, в серии публикаций американских университетов был издан учебник, где автор излагает в доступной для студентов форме основные сведения о немецких диалектах, дает их классификацию и описание [37]. Нельзя не упомянуть и опубликованную ранее монографию Р. Э. Келлера, где описывается фонетический и морфологический строй нескольких избранных автором немецких диалектов (дюринского, бернского, эльзасского, дармштадтского и т. д.) [38]. В книге удачно совмещаются традиционный и структурный подходы; для практических целей она очень удобна. И, наконец, в 1982—1983 гг. вышел в свет двухтомный труд по немецкой диалектологии под редакцией В. Беша, У. Кноопа, В. Пучке и Х. Э. Вигаида, включающий 208 карт, 385 рисунков и 105 статей (авторский коллектив — 91 чел.) [39]. В первом томе рассматриваются вопросы теории и методологии, второй том посвящен исследованию немецких диалектов [40].

В связи с появлением этих сравнительно новых работ возникают вопросы: во-первых, как оценивают их авторы вклад В. М. Жирмунского в диалектологию, и, во-вторых, насколько актуальна книга В. М. Жирмунского «Немецкая диалектология» по своим идеям и материалу в наши дни. Приведем несколько высказываний современных исследователей.

Я. Госсенс отмечает, что существует два основных руководства (Handbücher) по немецкой диалектологии — книги А. Баха и В. М. Жирмунского, но А. Бах рассматривает лишь методические и экстралингвистические проблемы [35, с. 105]. Перечисляя и оценивая пособия по немецкой диалектологии, Нобл начинает с книги В. М. Жирмунского; он называет ее «наиболее полным, детальным и исчерпывающим исследованием на сегодняшний день» [37, с. 16] и предлагает рекомендовать ее студентам для выборочного чтения. В двухтомной диалектологии под ред. В. Беша и др. указывается, что авторы данного издания исходят прежде всего из нескольких основополагающих трудов по германистике, содержащих обзор обширного материала, — и в первую очередь упоминается «Немецкая диалектология» В. М. Жирмунского [39, с. XII]. В другом месте сказано, что книга В. М. Жирмунского является первым фундаментальным и уникальным опытом сравнительной фонетики и морфологии немецких диалектов [39, с. 34].

Что касается актуальности данного труда, то о ней свидетельствует и упоминавшаяся выше дискуссия по поводу некоторых его теоретических положений, применение этих концепций многими лингвистами, их дальнейшее развитие на материале разных языков и диалектов, а также использование описания немецких диалектов, содержащегося в книге В. М. Жирмунского, во всех последующих работах. Отсылки к материалу, собранному и обобщенному В. М. Жирмунским, содержатся почти в каждой из 105 статей двухтомной диалектологии.

Рассмотрим проблему проведения и распространения второго перебоя согласных в немецких диалектах, которой в двухтомной диалектологии посвящена специальная статья. Эта проблема остается одной из дискуссионных. Споры между сторонниками моногенеза и полигенеза второго перебоя не стихают, а разгораются в последнее время с новой силой. В. М. Жирмунский, вслед за представителями «рейнской школы» (Т. Фрингс, В. Митцка), считал, что перебой возник в южном (алеманнско-баварском) ареале, а затем проник во франкское наречие путем вытеснения слов. Он отмечал, что «в процессе лексического вытеснения также наличествует закономерность, но эта закономерность особого порядка, которую можно было бы назвать фонетической аналогией: *wasser* вытесняет *water*, как *essen* вытесняет *eten...*» [41, с. 468]. Эта теория была подтверждена в специальном исследовании Г. Лерхнера [42], но затем Р. Шютцдэйхель и Ф. Зиммлер опубликовали ряд работ, в которых перебой во франкском диалекте рассматривается как самостоятельное явление [43, 44]. Тем не менее точка зрения Т. Фрингса — В. М. Жирмунского — Г. Лерхнера поддерживается многими германистами, в том числе Н. Р. Вольфом, автором соответствующей статьи в двухтомной диалектологии. Однако конкретного диалектного материала, который, безусловно, занял бы много страниц, Вольф не приводит; он полностью отсылает читателя к детальному описанию этого материала у В. М. Жирмунского [39, с. 1117].

В. М. Жирмунский был одним из организаторов и пропагандистов диалектографической работы в нашей стране. Его труды по основным проблемам лингвистической географии [41, 45, 46] сыграли большую роль в собирании и обработке диалектных материалов по различным языкам Советского Союза. Так, ученый явился вдохновителем создания «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

В течение последних десятилетий своей работы В. М. Жирмунский все большее внимание уделял картографированию, указывая на огромное

значение этого метода исследования для вопросов истории и генезиса языков. «Лингвистическая география, — пишет В. М. Жирмунский, — раскрывшая историческую динамику диалектологической карты, бросила новый свет и на показания средневековых письменных источников. Ее методика, при правильных методологических и исторических установках, открывает возможность для подлинно исторического изучения процессов изменения языка» [27, с. 536].

Интерпретация картографируемых явлений связана с вопросами ландшафта и ландшафтоведения. В предисловии к сборнику «Немецкая диалектография» В. М. Жирмунский показывает основные вехи развития диалектологии, лингвистической географии и теории ландшафта, ставит вопросы об изоглоссах, о соотношенности границ языков и диалектов, о различных пространственных закономерностях. Помещенные в книгу 33 лингвистические карты, составленные разными авторами, свидетельствуют о том большом значении, которое ученый придавал этой технике исследования.

В. М. Жирмунский — один из основоположников ареальных исследований в СССР. По его инициативе была организована научная конференция по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии, проходившая в ЛО ИЯ АН СССР (1971 г.), где рассматривались общие вопросы ареальной лингвистики. За ней последовали четыре всесоюзные конференции по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии, посвященные вопросам методологии и методики лингвогеографических и этнографических исследований, атласной картографии, взаимодействия лингвистических ареалов, соотношения периферии и центра и др. На конференциях подводились также итоги изучения диалектов многочисленных языков нашей страны. Указанным выше проблемам посвящены и некоторые исследования, имеющие методологическое значение [47, 48]. Продолжением идей и устремлений В. М. Жирмунского является и «задача социально-лингвистического прогнозирования, основанного на изучении языковых ареалов в долговременной перспективе социального и демографического развития соответствующих территорий» [49], поставленная перед языковедами.

В настоящее время диалектологи составляют макроатласы, охватывающие одну или несколько групп языков, например: атласы Средиземноморья, Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), Лингвистический атлас Европы (ALE), Диалектологический атлас тюркских языков СССР (ДАТЯ СССР). Издано пять томов Лингвистического атласа немецкоязычной Швейцарии (SOS), создан Исторический лингвистический атлас юго-запада Германии на основе правовых документов XIII—XV вв., начато составление Франкского лингвистического атласа с использованием ЭВМ. Лингвистическим картированием охвачены и такие области, как Эльзас, Лотарингия, Люксембург, Форарльберг и др.

Научное значение трудов В. М. Жирмунского не только сохраняется, но и увеличивается в связи с расширением практических описаний отдельных языков и диалектов в пространстве и времени и углублением лингвистических теорий. Специалисты по истории и диалектологии немецкого языка до сих пор широко пользуются собранным и обобщенным автором материалом. Идеи В. М. Жирмунского в области диалектологии, лингвогеографии и ареальных исследований находят дальнейшее развитие как в нашей стране, так и за рубежом.

1. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978. С. 158.
2. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 8.
3. Миронов С. А. В. М. Жирмунский и история изучения немецких диалектов в СССР // ИАН СЛЯ. 1971. № 4.
4. Schirmunski V. M. Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte. Mundart. Volkslied. Volkskunde. Charkow, 1928.
5. Schirmunski V. M. Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr. Wien, 1931.
6. Schirmunski V. M. Deutsche Mundarten an der Newa. 2. Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiete // Teuthonista. 1927. Bd 3.
7. Schirmunski V. M. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine // Teuthonista. 1928. Bd 5.
8. Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // Язык и литература. 1929. Вып. 3.
9. Schirmunski V. M. Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germanisch-romanische Monatsschrift. 1930. Jg. 18. Hf. 3—4, 5—6.
10. Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России / Под ред. Жирмунского В. М. и Левшина Б. В. // Тр. Архива АН СССР. 1975. Вып. 26.
11. Moulton W. G. Structural dialectology // Language. 1968. V. 44. № 3.
12. Sütterlin L. Neuhochdeutsche Grammatik mit besonderer Berücksichtigung der neuhochdeutschen Mundarten. München, 1924.
13. Öhmann E. // ZMaF. 1958. Jg. XXVI. Hf. 1. Rec.: Schirmunski V. M. Njemet-skaja dialektologija.
14. Schirmunski V. M. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / Übers. von Fleischer W. B., 1962.
15. Trost P. Primäre und sekundäre Dialektmerkmale // ZMaF. Beihefte NF. 1968. № 4.
16. Reiffenstein I. Zur Theorie des Dialektabbaus // ZDL. Beihefte NF. 1980. № 26.
17. Reiffenstein I. Primäre und sekundäre Unterschiede zwischen Hochsprache und Mundart. Überlegungen zum Mundartenabbau // Opuscula Slavica et linguistica. Festschrift für A. Issatschenko. Klagenfurt, 1976.
18. Dialekt und Dialektologie // ZDL. Beihefte NF. 1980. № 26. S. 104—105, 370.
19. Tatzreiter H. 8. Arbeitstagung alemannischer Dialektologen vom 19. bis 22. September 1984 in Triesenberg, Fürstentum Liechtenstein // ZDL. 1985. № 1.
20. Домашнев А. И. Понятие структуры современного немецкого языка в трудах В. М. Жирмунского // ВЯ. 1980. № 2.
21. Weinreich U. Is a structural dialectology possible? // Word. 1954. V. 10.
22. Moulton W. G. The short vowel systems of Northern Switzerland // Word. 1960. V. XVI. № 2.
23. Moulton W. G. Lautwandel durch innere Kausalität: die ostschweizerische Vokalspaltung // ZMaF. 1961. Jg 28. Hf 3.
24. Moulton W. G. Phonologie und Dialekteinteilung // Sprachleben der Schweiz. Bern, 1963.
25. Moulton W. C. The mapping of phonetic systems // ZMaF. Beihefte NF. 1968, № 4.
26. Сухачев Н. Л. Что изучает структурная диалектология // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983.
27. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.
28. Sprachatlas der deutschen Schweiz. Begr. von Baumgartner H. und Hotzenköcherle R. Bern, 1962 (I, № 61—72).
29. Goossens J. Strukturelle Sprachgeographie. Heidelberg, 1969.
30. Campbell L. Is a generative dialectology possible? // Orbis. 1972. 21.
31. Schönfeld H. Zur Rolle der sprachlichen Existenzformen in der sprachlichen Kommunikation // Normen in der sprachlichen Kommunikation. B., 1977. S. 109—170.
32. Dialekt / Hochsprache — kontrastiv / Hrsg. von Besch W., Löffler H., Reich H. H. Düsseldorf, 1976.
33. Филличева Н. И. Диалектология современного немецкого языка. М., 1983.
34. Строева Т. В. Немецкая диалектология. Л., 1985.
35. Goossens J. Deutsche Dialektologie. B.; N. Y., 1977.
36. Niebaum H. Dialektologie. Tübingen, 1983.
37. Noble C. A. M. Modern German dialects. New York; Berne; Frankfurt-on-the-Main, 1983.
38. Keller R. E. German dialects. Manchester, s. a.
39. Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung /

- Hrsg. von Besch W., Knoop U., Putschke W., Wiegand H. E. B.; N. Y., 1982—1983.
40. *Moulton W. G.* // ZDL. 1985. № 2. Rec.: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung.
 41. *Жирмунский В. М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // Общее и германское языкознание. Л., 1976.
 42. *Lerchner G.* Zur II. Lautverschiebung im Rheinisch-Westmitteldeutschen // Mitteldeutsche Studien. 1971. 30.
 43. *Schützeichel R.* Die Grundlagen des westlichen Mitteldeutschen. Tübingen, 1961.
 44. *Simmler F.* Graphematisch-phonetische Studien zum althochdeutschen Konsonantismus, insbesondere zur II. Lautverschiebung. Heidelberg, 1981.
 45. *Жирмунский В. М.* О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов // Общее и германское языкознание. Л., 1976.
 46. Немецкая диалектография / Под ред. Жирмунского В. М. М., 1955.
 47. Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
 48. *Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966.
 49. *Десницкая А. В.* К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 23.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Akamatsu T. The theory of neutralization and the archiphoneme in functional phonology. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 1988. XXI + 553 p.

Рецензируемая монография японского исследователя Цутому Акамацу опубликована как очередной, 43-й том списавшей международной популярности серии монографий и сборников статей по актуальным проблемам общего языкознания, компаративистики и истории лингвистических учений. Серия издается в Амстердаме. В редакционную коллегию серии входят ведущие специалисты по многим отраслям языкознания. Советская лингвистика в редколлегии представлена академиком Т. В. Гамкрелидзе.

Книга состоит из краткого предисловия, написанного А. Мартине, введения и двенадцати глав.

В первой главе «Введении» автор излагает методологические установки своего исследования. Теория нейтрализации и архифонемы впервые была разработана в Пражском лингвистическом кружке. В настоящее время эта теория полностью принята и разрабатывается дальше в рамках функциональной лингвистики, в частности, в ее французском варианте. Это направление (Неопражская школа), к которому причисляет себя и автор, возглавляется А. Мартине. Задачу книги автор видит прежде всего в критическом обзоре с функционалистской точки зрения всех существующих фонологических концепций, ориентируясь непосредственно на нейтрализацию и на смежные с ней понятия, а также последовательно излагает собственную теорию нейтрализации.

Настоящее исследование как бы продолжает серию работ, осуществляемых учениками и сотрудниками А. Мартине под его руководством. Внутренняя задача этих исследований — детальнейший анализ эволюции фундаментальных понятий фонологии. Одной из таких работ было недавнее обширное исследование М. Вьеля, посвященное анализу понятия «признак» в фонологии и смежных с ней лингвистических дисциплинах [1, 2].

Примечательно, что стимулирующим фактором к такому рода исследованиям стала публикация Р. О. Якобсоном писем и заметок Н. С. Трубецкого [3], во многом проливающим свет на историю

становления понятийного аппарата фонологии (и не только фонологии), на подлинных источниках многих идей структурализма, на то, как складывался один из ставших впоследствии ведущим в лингвистической науке XX в. метод.

В этой связи можно сказать, что рассматриваемая монография написана в важнейшем и труднейшем жанре, к сожалению, у нас малопопулярном. Здесь автор на основе анализа и согласования фундаментальных понятий строит уточненный понятийный аппарат, что, в конечном счете, эквивалентно решению стратегических задач данной науки.

Ц. Акамацу в своем исследовании тщательно проанализировал и пересмотрел содержание таких фундаментальных понятий фонологии, как фонема, оппозиция, признак, нейтрализация, архифонема и т. п., употребившихся в работах Трубецкого, Якобсона, Мартине, Трики, Вахека, Куриловича, Матезюса и др., и в ряде случаев предложил свои оригинальные решения.

Теоретической основой рецензируемой книги является структурный и функциональный подход, причем в той разновидности, которая развивается А. Мартине и его учениками. И действительно, изложенные в книге идеи автора во многом развивают теорию нейтрализации А. Мартине, впервые изложенную в статье 1936 г. [4], а затем примененную и к единицам других уровней языка [5].

Хотя автор и считает школу функциональной лингвистики А. Мартине неопражской, говорить об этом можно с большой долей условности. В действительности идеи Пражского лингвистического кружка, возникшего в 30-е годы, дали жизнь по крайней мере трем лингвистическим школам.

Во-первых, это собственно пражская школа (Тринка, Вахек и др.), продолжавшая традиции московской формальной школы (Фортуноват, Ушаков, Дурново, Трубецкой, Карцевский). Здесь функциональное рассматривается как неотъемлемое свойство структуры языка в целом, а функция — это способность единицы